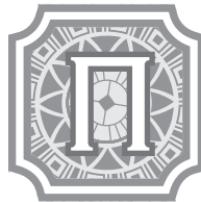

Через поле иду, а стрелы летят,
И в каждом звуке над миром
Висит война,
Где не бьет огонь,
А каждый сам,
У себя внутри
Не найдя зерна,
Чинит бой, горстями черпая тьму,
И все меряет зло с добром.
А снаружи мир на большой разлом
Натянул холодную тетиву.

Карелия «Через поле»

ГЛАВА 1

ВРЕМЯ ДЛЯ НАС

ервый удар меня не коснулся. На лезвии меча я успел увидеть отражение глаз — два золотистых всполоха. Раньше я бы ни за что не называл их человеческими, сейчас это были мои глаза.

Клинок просвистел над головой. Я еле успел пригнуться, нырнуть в сторону. Лезвие меча следовало за мной. Шаг назад, еще один. Вправо. Влево. Снова назад. С барьерами было бы намного проще, но у меня явные проблемы с легкими путями. Меч со свистом рассек воздух так близко, что я ощутил дуновение ветра.

Назад, вправо, снова вправо, вниз. Все мои боевые схемы давно изучены. Фрея могла разгадать их не глядя, и я мог лишь стараться быть быстрее. Я ускорил темп, но запутался в собственных шагах.

Влево, вправо. Белоснежное лезвие блеснуло в лучах солнца, заставив меня зажмуриться. Я отпрянул, но нога не послушалась, словно приросла к земле. Ну разумеется, Фрея не поддавалась. Ботинок плотно опутали темно-зеленые стебли. Через мгновение они добрались уже до колена. Фрея все пыталась вынудить меня использовать магию. Как будто нарочно делала вид, что это неопасно и зависит от меня.

Я рухнул на колено, чтобы пропустить меч над головой. Но следующий удар не заставил себя ждать.

«Работай же!» — Если бы собственную магию можно было стегнуть, как лошадь, я бы это сделал. Хотя я и лошадей ни разу не стегал.

Магия оказалась глуха и безразлична. Я попытался вспомнить то чувство, что переполняло меня, когда я сражался с пауком в Многоголосом лесу, найти в себе искру, готовую разрастись ослепительной вспышкой. Но, видимо, злости не хватило.

Белое лезвие прошило мне плечо, легко, как иголка ткань.

Что ж. Одно дело пытаться убить тварь, которая хочет отгрызть тебе голову, другое — защищаться от того, что тебе не навредит.

— Опять все не то.

Фрея выдернула меч из моего плеча и вложила в ножны одним отточенным движением. Я видел его уже доброй сотню раз, но все равно засматривался, в нем была своя грациозная красота.

Когда лезвие скрылось в ножнах, исчезли и лозы, оплетавшие ногу. Подниматься я не стал, наоборот, поудобнее устроился на земле. Это был уже шестой спарринг за день, и я устал как собака.

Старая сутулая трехногая собака. Именно так я себя чувствовал, сражаясь с Фреей, потому что хорошо, если бой длился дольше минуты.

— Ты снова надеешься на то, что тебя спасет инстинкт самосохранения.

— Да-да, я снова жду, что страшная магическая штука включится сама. — Я откинул голову назад и подставил лицо под солнечные лучи. Они были не по-осеннему теплыми и приятными.

— Не «страшная магическая штука», а...

— Магический талант, да, помню.

Пару недель назад, когда я, наконец, более-менее пришел в себя после того, как в Рейнгарде Абелоун едва не убила нас всех, мы с Фреей решили приступить к кур-

су активной реабилитации. И в первую очередь заняться моим «магическим талантом». Хотя, как по мне, это скорее проклятье.

— Для начала объясни мне, как эта штука работает, — попросил я, когда мы впервые заговорили об этом.

То был один из вечеров, проведенных в доме Фреи, когда ложиться спать было еще рано, а за окнами лил дождь, и делать было решительно нечего. Огонь весело потрескивал в камине, роскatt спал около него, свернувшись клубочком, а мы сидели рядом на диване.

— Почему ты вечно называешь все «штуками»? — Фрея непонимающе нахмурилась.

— Это слово-паразит, им удобно называть то, чего не понимаешь. Не обращай внимания.

Фрея вздохнула.

— В общем, магический талант — это тот аспект магии, который выходит у тебя лучше всего. Не знаю, насколько понятно объясняю, я в этом не мастер. Давай лучше на примерах.

«А давай не надо», — чуть не сказал я. Потому что в прошлый раз, когда Фрея решила избежать объяснений, перейдя сразу к иллюстративному материалу, я оказался в Моркетской пади. А потом получил по лицу все от той же Фреи. Второго такого показательного примера я могу не пережить.

— С талантом Анса ты чаще всего сталкивался, — продолжила Фрея, пока я готовился к худшему, — свить энергию в нити и манипулировать ими не каждый сможет.

Если подумать, то нити, управляющие марионетками, были серебристыми с голубоватым отливом, если добавить насыщенности, будет как раз цвет ауры Анса — темно-голубой.

— А у других что с талантами? — спросил я, заинтересовавшись.

— Фриг хороша в защитной магии, по сути, ее аура уже и есть барьер. При этом он не снижает ее восприимчивости. Из-за этого на нее не действуют чужие та-

ланты, ну, только если разница в силе не слишком велика.

— А я-то искренне верил, что на тренировках смогу пройти хоть один щит Фриг. Наивный.

— У Аин талант к телепортации. Но сейчас даже на него действует нестабильность магии, так что она им почти не пользуется.

Обидно, наверно, лишиться своей магической фишки из-за сбоев в мировой энергии.

— У Леди Хелл талант к тому, чтобы залезать к людям в головы и читать их мысли, — продолжил я, припомнив наш последний разговор с ней, — а у Лорда... к заключению магических клятв, да?

— Да, — выражение лица Фреи сделалось сочувствующим.

Нет, ну надо было мне в первый же день в этом мире нарваться на человека с таким талантом и дать ему чертова клятву не порочить его имя. Пока оно мне никак не навредило, но я не мог избавиться от ощущения, что в этом был какой-то скрытый смысл.

— А у Фэя что? — спросил я, потому что мне казалось, что этот сильф может в магии примерно все и еще чуточку.

— Не знаю, — пожала плечами Фрея, — но подозреваю, что он как-то связан с тем, как легко учитель создает новые магические формулы.

Может, его талант в том, чтобы быть гениальным? Почему мне нельзя было тот же дать?

— Ладно. Более-менее понятно. Это такая *штука*, которая колдуется лучше всего, — кивнул я. — Но у меня-то оно как работает? Я же эту магию вроде как не сам использую.

— В том и беда, что не сам, — вздохнула Фрея. — Но это все равно магическая сила. Насколько я понимаю, она просыпается сама, когда чувствует, что нужна. Например, если ты в опасности.

— Не только. — Я смотрел, как огонь в камине разгорается все сильнее. — Когда я гнался за Ронат, мне ничего

не угрожало. Но магия все равно включилась. А я даже не понял, в какой момент, не заметил. А в случае с пауком я не знал, как ее выключить.

— Не выключать ее надо, а контролировать, — Фрея ободряюще улыбнулась, — иначе она начинает контролировать тебя, и из-за этого случается... всякое.

Всякая дичь, да. Вроде взрывов, причинения вреда окружающим и уничтожения марионеток Анса. За последних мне, кстати, больше всего досталось. Ну и Анс пообещал, что еще минус одна его игрушка по моей вине, и возмещать ее потерю я буду собой.

Как так вышло, что среди целой кучи прекрасных способностей мне досталось... что вообще? Я даже не знал, как этот «талант» назвать правильно. Он работал по схеме «догоняй то, что убегает, а потом рви на части». Или «бей то, что опасно, а не можешь бить — взрывай». Больше похоже, что у моей магии время от времени предохранители слетают.

Или, может, у меня особый талант к разрушению? Деструктивному поведению? Срыву всех планов?

Отлично, светлая магия, продолжай в том же духе. Да мне надо было поручать мир не спасти, а разрушить. Я бы провалил это задание, и все были бы счастливы. Вдруг меня вообще не Эрна, а Абелоун послала? Зря она меня, что ли, спасти ее просила?

— Как я могу контролировать то, чего не понимаю, не ощущаю даже, пока оно мне в голову не стукнет? — спросил я у Фреи. — У тебя раньше был магический талант? Как ты его раскрывала и развивала?

Стоило ли вообще об этом спрашивать? Магии Фрея лишилась давно, в тот же день, что и матери, но такие раны не заживают полностью, даже со временем.

— Я неплохо умела манипулировать растениями, и сейчас умею, но с помощью меча, — сказала Фрея. — Магический талант проявляется сам собой. В детстве мне просто нравилось сидеть и заставлять цветы распускаться.

— И сколько тебе было, когда ты поняла, что это твой талант?

— Лет шесть, наверно, — Фрея задумалась. — Но это скорее мама поняла, чем я. Тебе сложнее.

Я вроде бы чему-то и научился, но в некоторых аспектах магии все еще оставался на уровне первоклассника. Наверстывал со старательностью самого прилежного ученика. Но с того разговора прошло две недели, а с мертвотой точки я так и не сдвинулся.

— Ты просто недостаточно грозный противник. Мой талант знает, что твой меч не причинит мне вреда, пока ты не захочешь. Ты ведь не захочешь? — на всякий случай уточнил я. Потому что если скажу, что совсем не напрягаюсь каждый раз, когда меня протыкают насквозь, — совру.

— Нет, — Фрея опустилась на траву напротив и положила ножны рядом.

Роскант, все время крутившийся около нас, понял, что бить меня пока больше не будут, а значит, можно использовать своего человека по прямому назначению. Он темно-рыжим всполохом юркнул ко мне и мгновенно взобрался на плечи, растянувшись на них воротником.

— Дело как раз в том, чтобы научить тебя пользоваться талантом, даже когда ты вне опасности. Аис из своих нитей хоть узорчатую салфетку сплести может. Тебе нужно довести контроль до того же уровня.

— Он этому, наверно, годы учился, — прозвучало ядовито, но Фрея не обратила внимания.

— Я не говорю: освой свой талант в совершенстве сию же минуту. Только озвучиваю план на будущее.

Будущее, да? Дожить бы до него сначала, а потом планы строить.

Я рассеянно почесал роскатта за ухом. Рейнеке подставил под пальцы мордочку и ткнулся рогом в щеку. На такие тычки я уже перестал реагировать.

— Сейчас наша задача — сделать так, чтобы ты своим талантом как минимум не вредил ни себе, ни окружающим.

«Сформулировать бы, в чем этот талант, для начала», — подумал я. Ведь за то время, что мы тренировались, призвать его у меня получилось всего один раз. И тогда я чуть не навредил Фрее.

Она случайно задела мечом мое плечо в том месте, где раньше была сумрачная рана. И хоть меч не причинил мне вреда, а рана уже затянулась, по телу все равно будто разряд тока пробежал. В глазах потемнело, а я начал заваливаться назад.

Это и пробудило спящую силу. Она разлилась внутри со скоростью бушующей горной реки. Я оттолкнулся от земли волной магии и быстро встал на ноги, так и не успев упасть. И тут же отпрянул от выпада Фреи. Мир вдруг стал ярким и четким почти до боли. Словно кто-то выкрутил резкость картинки на максимум.

Все не то чтобы замедлилось, просто я вдруг стал быстрее. Я видел первое движение Фреи, и мне хватило времени понять, каким будет второе и третье. Так что я легко поднырнул под удар. На кончиках пальцев уже концентрировалась энергия. Осязаемая, острая, словно когти.

Фрея была открыта всего пару секунд. Но мне бы хватило. Точно хватило.

Один удар в солнечное сплетение, и у нее бы перехватило дыхание. Она бы закашлялась, выронила меч. А следующим ударом можно было бы...

Я нечеловеческим усилием воли заставил руку замереть. Чувство невероятной резкости мира исчезло. С ней рассеялась и светлая энергия, подготовленная для удара.

А через мгновение я схлопотал эфесом по голове.

После этого я перестал использовать магию в поединках. Совсем. Ни щитов, ни боевых заклятий. Вообще ничего. Поэтому спарринги и кончались так быстро.

Но это не страшно. Проигрывать Фрее — это, в общем-то, не обидно даже. Хуже было то, что уже спустя полторы недели без магии сила начала активироваться

сама собой, причем совсем не тогда и не так, как мне хотелось бы.

— Тебе стоит снова начать использовать магию, — Фрея попыталась сказать мягко, но в ее голосе все равно слышалась сталь.

— И так нормально, — отмахнулся я.

— Нет, Дей, не нормально, — она посмотрела прямо на меня, ее зеленые глаза в свете солнца блестели ярко и тревожно. — Нельзя подавлять свою магию. Точнее, нельзя делать этого без последствий.

Да, конечно, только вот использовать ее без последствий у меня тоже не получается. Когда я ее подавляю, она приносит вред только мне, когда нет — и мне, и всем вокруг. Остается лишь выбирать меньшее из зол. Хотя все мы знаем, что меньшего зла не бывает.

— Ты не должен включать и выключать магический талант, это не механизм, — часто говорила мне Фрея, но я был до преступного глух к ее словам. — Ты должен контролировать степень его проявления. Это как напряжение мышц или... я не знаю, сила нажатия на перо.

— Я понимаю, просто...

«Просто это как машина без тормозов и с заклинившим рулем, которая на полной скорости несется к обрыву, а ты просишь меня ею управлять».

— Просто не могу, и все. Магия как-то усиливает и изменяет мое восприятие. Все органы чувств сразу. И это как пытаться контролировать зрение или слух, я не понимаю.

— Твоя магия странная, — сказала Фрея с этой своей убивающей честностью. — Мне не нравится то, что она связана с восприятием напрямую. Потому что, если из-за подавления что-то вдруг нарушится, распадется какая-то связь, это скажется на тебе.

— А если я снова решу все взорвать, это скажется на тебе и еще на паре сотен человек, — недовольно бросил я, отворачиваясь.

Но Фрея не дала мне так просто уйти от разговора. Ее рука легла мне на щеку и заставила повернуться обратно.

— Я знаю, каково это — вдруг лишиться магии. Это не то же самое, что не иметь ее вовсе, потому что ты чувствуешь, что чего-то не хватает, тоскуешь и ничего не можешь сделать с этой тоской. — Фрея так и не убрала руку, и я чувствовал тепло и горьковатый запах трав, исходящий от нее.

Мне не нравился этот успокаивающий жест и пугающие слова. Такие вещи потом отпечатываются в сознании, как оттиск на медной доске. На всю жизнь.

— В твоем случае все может быть еще хуже. Вдруг наложенный тобой блок скажется на обычном зрении, слухе, осязании? Что мы тогда будем делать?

Если все мои органы чувств вдруг отключатся? Думаю, у меня будет не слишком много вариантов действий. Не больше, чем у трупа.

— Спасать мир в таком состоянии вряд ли получится, — криво усмехнулся я. — Просто, ну, киньте меня в это Сердце, может, что-то и выгорит? Главное, отбежать и щитом накрыться не забудьте.

— Я не о мире сейчас! — Фрея нахмурилась, глаза ее полыхнули гневом. — Я за тебя боюсь, Дей.

Она боится за меня больше, чем за мир. Я готов был расплыться в глупой улыбке, но сдержался. Сконцентрируйся, идиот, и пойми, о чем она тебе говорит.

Беда была в том, что, проведя аналогию с рубильником, я случайно задал своему таланту два режима — полного бездействия и полной же мощи. Включено, выключено. Как настольная лампа. А мне нужна была градация, которую я никак не мог настроить. Мне хотелось отойти, бросить этот разговор, самому как-нибудь спрятаться, но моя рука накрыла ладонь Фреи, а губы произнесли слова, которые я не готов был произносить:

— Я постараюсь научиться использовать талант правильно. Не прямо сейчас, но как можно скорее.

— Не надейся, что я дам тебе с этим затянуть. — Она улыбнулась, заправила мою упавшую на глаза прядь за ухо и убрала руку. — А теперь пошли домой, нам всем нужен отдых.